

УДК 343.9

ПРОЧТЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ Н. С. ТРУБЕЦКОГО И Г. В. ВЕРНАДСКОГО) И ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л. Н. ГУМИЛЕВА С ПОЗИЦИИ АНТИЭКСТРЕМИСТСКИХ НАЧАЛ¹

М. А. Стародубцева

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: starodubzewa@gmail.com*

DOI: 10.14258/ssi(2021)4-09

В статье анализируются основные тезисы евразийской идеологии с позиции антиэкстремистских воззрений. Автор дает краткий очерк формирования идеологических постулатов в работах князя Н. С. Трубецкого как основоположника евразийства и анализирует критику идей мыслителя с антинационалистических и антирасистских позиций. Далее автор кратко рассматривает позиции Г. В. Вернадского в контексте евразийской идеологии, отмечая схожесть с идеями Н. С. Трубецкого. Указывается нелогичность и разорванность идей Г. В. Вернадского в сравнении с более строгой и логичной концепцией Н. С. Трубецкого. Автор сообщает, что в дальнейшем Г. В. Вернадский все больше отдалялся от евразийской идеологии в пользу иных теорий. Однако, как подчеркивает автор, сама евразийская идеология при детальном рассмотрении отличается разорванностью идей и непоследовательностью, причем с самого момента своего возникновения. Тем не менее, отмечает автор, внутренняя противоречивость евразийства не означает его националистический характер. Тем более что речь не идет о расизме в евразийском учении. Затем автор анализирует антиэкстремистские воззрения в теории этногенеза Л. Н. Гумилева и отмечает сложность ее доказывания. Анализируются некоторые попытки доказывания теории этногенеза с биологической точки зрения. Автор делает вывод об отсутствии в анализируемых теориях экстремистской идеологии, но подчеркивает опасность неверной трактовки указанных течений. Этот тезис несколько раз подтверждается в работе с помощью разнообразных аргументов.

Ключевые слова: антиэкстремизм, национализм, шовинизм, расизм, евгеника, критика, евразийство

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда грантов Президента РФ для молодых кандидатов наук, проект № МК-483.2020.6 «Евразийская альтернатива государственно-правового развития России: генезис, содержание, современное прочтение».

**READING THE IDEOLOGY OF EURASISM
(ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF N. S. TRUBETSKY
AND G. V. VERNADSKY) AND THE THEORY
OF ETHNOGENESIS L. N. GUMILEV FROM THE POSITION
OF ANTI-EXTREMIST BEGINNINGS**

M. A. Starodubtseva

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: starodubzewa@gmail.com*

The article analyzes the main theses of the Eurasian ideology from the position of anti-extremist views. The author gives a brief outline of the formation of ideological postulates in the works of Prince N. S. Trubetskoy, as the founder of Eurasianism, and analyzes the criticism of the thinker's ideas from anti-nationalist and anti-racist positions. Further, the author briefly examines the positions of G. V. Vernadsky in the context of Eurasian ideology, noting the similarity with the ideas of N. S. Trubetskoy. The illogicality and discontinuity of the ideas of G. V. Vernadsky in comparison with the more rigorous and logical concept of N. S. Trubetskoy. The author informs that in the future G. V. Vernadsky increasingly moved away from the Eurasian ideology in favor of other theories. However, as the author emphasizes, the Eurasian ideology itself, when examined in detail, is distinguished by the discontinuity of ideas and inconsistency, moreover, from the very moment of its inception. Nevertheless, the author notes, the internal inconsistency of Eurasianism does not mean its nationalistic character. Moreover, there is no talk of racism in the Eurasian doctrine. Then the author analyzes anti-extremist views in the theory of ethnogenesis by L. N. Gumilyov, and notes the difficulty of proving it. Some attempts to prove the theory of ethnogenesis from a biological point of view are analyzed. The author concludes that there is no extremist ideology in the analyzed theories, but emphasizes the danger of misinterpreting these trends. This thesis is confirmed several times in the work with the help of various arguments.

Key words: *anti-extremism, nationalism, chauvinism, racism, eugenics, criticism, Eurasianism*

Введение

В обоснование темы отметим, что сегодня, в условиях продолжающейся гибридно-информационной войны на международной арене, Россия фактически оказалась в частичной изоляции со стороны западных стран. Пандемия коронавирусной инфекции в значительной мере подорвала, в свою очередь, и идеологию атлантизма, и сейчас крайне актуальными стали идеи евразийского течения.

Рассмотрим некоторые тезисы крупнейших идеологов евразийства, на которые была обращена основная критика данного течения. Очень часто при критике мыслители и ученые обращались к сквозящей в евразийской идеологии идее наци-

онализма, возводя ее в ранг шовинизма. Мы же попробуем выделить в основных постулатах течения антинационалистический характер. Анализ евразийской идеологии мы проводим, опираясь на работы таких мыслителей-евразийцев, как князь Н. С. Трубецкой, историк и публицист Г. В. Вернадский, мыслитель Л. Н. Гумилев.

Антиэкстремистские идеи в контексте работ князя Н. С. Трубецкого

Князь Н. С. Трубецкой считается одним из основателей движения евразийства. В рамках нашей работы лишь кратко охарактеризуем оставленное им наследие, указав, что самые известные труды касаются преимущественно лингвистических и исторических концепций. Повторимся, что основные нападки на Н. С. Трубецкого и его учение сводились к идее оправдания национализма. Об этом, в частности, пишет известный мыслитель Р. О. Якобсон, с которым Н. С. Трубецкой находился в дружеской переписке (Соболев, 2008: 368–373). При первом взгляде на труды ученого эта идея, действительно, бросается в глаза. Так, Н. С. Трубецкой считал славян самостоятельной составляющей западного мира, в отличие от романогерманцев. Это немного похоже на идеи классического шовинизма, но дальше Н. С. Трубецкой шел совсем по другому пути (Кара-Мурза, 1998). Он утверждал, что внутри славянской группы русские принадлежат как к славянству, так и к царству степей, будучи культурно и исторически связанными с туранским миром, несмотря на их славянский язык и православную религию. Российская империя, славянские и туранские элементы были одинаково представлены и пользуются равной важностью. Трубецкой прямо указывает, что генетическое или расовое родство менее актуально для национальной идентичности, чем язык. В свою очередь, этот его тезис как раз стал причиной его преследования австрийскими нацистами. Как мы видим, уже при кратком анализе наблюдаются глубокие различия евразийского течения с национализмом в его отрицательной трактовке.

Н. С. Трубецкой подчеркивает незаметность границ азиатской культуры и русского евразийства через огромные пространства материка Евразии. Чуть позже это станет основной идеей в трудах Г. В. Вернадского в пору его увлечения евразийской идеологией. В «Европе и человечестве» Н. С. Трубецкой отрицал универсальность западной европейской модели, осуждал европейский колониализм и его империалистическую социально-экономическую парадигму. Реализация России Восточности была логическим следствием отказа от западной либерально-демократической модели. Н. С. Трубецкой посвятил себя реабилитации туранского элемента российской истории, опровергая евроцентрическое историографическое видение истории России как результат единственно киевской, московской и романовской эпох. Соответственно Н. С. Трубецкой возвеличивает те исторические эпохи русской истории, где преобладает туранский элемент, как и период монгольского господства над большей частью русских земель (Зиновьев, 2008).

Итак, мы видим, что на основе лингвистического анализа Н. С. Трубецкой выделяет национальный тип русского народа как славяно-туранский. Сам этот тезис уже говорит об антиэкстремистском характере идей ученого. Однако здесь же, как нам кажется, можно обнаружить и слабое место зарождающейся идеологии. Н. С. Трубецкой указывает, по сути, монголо-татарское иго ключевым этапом

русской истории, несколько принижая остальные ее вехи. Через имперскую идеологию, унаследованную от монголов, Россия получила свое оправдание для построения империи и свое геополитическое призвание на международной арене. Безусловно, с семантической точки зрения монгольское нашествие сыграло важную роль в насыщении славянского языка новыми словами и конструкциями, но можем ли мы распространить монгольское влияние абсолютно на весь период развития русской цивилизации? На этот вопрос Н. С. Трубецкой не дает ответа.

Уже сейчас мы можем сказать, что целью Н. С. Трубецкого выступает не разъединение, а соединение евразийских сил.

Далее в этой же работе Н. С. Трубецкой пишет: «...культура, которая по мнению космополитов должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист» (Трубецкой, 1921: 86). То есть, по сути, космополитизм он равняет с шовинизмом, обвиняя европейские народы в направленном насилии как следствии эгоцентризма над негерманскими народами. И насилие это прежде всего проявляется в культурном плане (Трубецкой, 1920: 75).

Однако для формирования народа важно выбрать свой собственный путь исторического развития, не навязывая свои культурные стереотипы другим нациям. Романо-германская цивилизация, по сути, отмечает Н. С. Трубецкой, есть запас культурных ценностей, общий для нескольких народов, связанных друг с другом узами родства и общей историей (Трубецкой, 1920: 78). Но навязывать ее народам, с ней незнакомым, нет смысла. Поиск же своего пути развития, по мнению мыслителя, возможен с помощью углубленного самопознания, которое рассматривается в статье «Об истинном и ложном национализме» (Трубецкой, 1999).

По мнению Н. С. Трубецкого, референтной группой, в которую он включает культуру России, является вовсе не славянство, а целое человечество; подразумевается тем самым, что Россия ввиду многосоставности культурных матриц, включенных в различные этногеографические зоны, традиционно определяемые как «Восток», «Запад», «Север» и «Юг», сама является моделью человечества. Его универсализм резко противоречит традиционному представлению о России и русской культуре как о замкнутом образовании (Шевченко, 2014).

По словам Н. С. Трубецкого, русская евразийская культура несет в себе черты как универсализма, так и идентичности, понимаемой, конечно, не как «бытие в себе», а как уникальное единство в многообразии, за которым стоит тысячелетняя традиция разнообразного культурного обмена и связей.

И снова Н. С. Трубецкой находит наиболее убедительные аргументы в пользу своей теории в сфере русского языка, который она использует: «Россия-Евразия — страна-наследница. По воле судьбы она должна была унаследовать традиции, возникшие вначале в других королевствах и от других племен, и поддерживать преемственность этих традиций, даже когда царства и племена, которые их породили, умерли, потеряли свою значимость и утратили традиции. Таким образом, Россия унаследовала традицию византийской культуры и сохранила ее даже после смерти Византии, Россия унаследовала традицию монгольской государственности, сохранив ее даже

после того, как монголы впали в ничтожность, унаследовала Русь и церковно-славянскую литературную и лингвистическую традицию, и сохранила, пока умирали один за другим, древние центры и центры этой традиции» (Шевченко, 2014: 297).

Рассмотрев основные положения концепции Н. С. Трубецкого, мы можем выделить его основную идею, внесенную им в достаточно разношерстный пласт евразийского течения. Он сам формулирует эту идею: «революция в сознании, в мировоззрении неромано-германских народов. Без этой революции никакой выход невозможен».

Суть «революции в сознании», о которой говорит Н. С. Трубецкой, состоит в том, что «она отвергает „пленительные устремления римско-германской цивилизации“, объявляя себя „пупом земли“, в то время как необходимо понимать, что все культуры эквивалентны тому, что нет высших и низших культур».

Революция в сознании должна свергнуть идола эгоцентризма, т.е. национального высокомерия и шовинизма. По мнению мыслителя, достаточно легко понять причины расширения «космополитизма и германо-римского шовинизма», который распространяется во всем мире с большой скоростью, если принять во внимание «радиации» европейской культуры, т.е. особые исторические и этнографические географические обстоятельства экспансии. По словам Н. С. Трубецкого, гораздо сложнее понять, почему существует много космополитов германо-романского стиля среди славян, арабов, турок, индусов, китайцев и японцев со своими богатыми культурными традициями. Мыслитель задается вопросом: «Почему русский интеллигент с негодованием отвергает идею что он может служить инструментом немецких националистов, в то время как подчинение пангерманским шовинистам того же российского интеллигента не пугает? Очевидно, существует гипноз слов: человечество, универсальность, цивилизация, мировой прогресс и т.д., введенных в общее использование в результате немецко-римской пропаганды, но без реального содержания» (Трубецкой, 1920: 80).

Н. С. Трубецкой тем самым четко показывает, что подгонка эволюции культур под эволюцию романо-германской культуры как раз и является шовинизмом и формирует расизм (Шевченко, 2014: 302).

Мы можем совершенно четко увидеть, что Н. С. Трубецкой не провозглашает национализм, но опровергает его, именно в отрицательной трактовке. Фактически мыслитель призвал к развитию патриотического сознания среди интеллигенции в форме «общеевразийского национализма», который должен заменить «эксцентризизм», когда основные культурные ресурсы находятся в неестественном состоянии подражания, имитации и в результате подчинения чужому центру.

Но для развития любой национальной культуры, продолжает Н. С. Трубецкой, нужен «эгоцентризм», он же самооценка. Именно он лежит в основе «оправдания национализма», в чем критикует мыслителя Р. О. Якобсон (Соболев, 2008). Объясняя значение этого «эгоцентризма» в письме Р. О. Якобсону, Н. С. Трубецкой пишет, что «это должен быть облагороженный эгоцентризм, не бессознательный, а сознательный, связанный с релятивизмом, а не с абсолютизмом» (Трубецкой, 2008: 368). Этот принцип ученый называет истинным национализмом.

Обвинения в «русском расизме» и чуть ли не в антисемитизме, исходившие от противника евразийства — П. Н. Милюкова, мы также можем назвать неверными (Милюков, 1997). В 1935 г. Н. С. Трубецкой опубликовал статью «О расизме», где осудил идею чистоты расы и чистоты крови и в очередной раз указал, что русский народ есть союз славян, евреев, тюрок, кавказцев и других евразийских народов (Трубецкой, 1999). Эту статью фактически можно считать реакцией мыслителя на установление в Германии режима НСДАП.

Итак, мы увидели, что основатель евразийства Н. С. Трубецкой в своих идеях более чем далек от национализма и тем более экстремизма. Однако он действительно формулирует мысль о некоем истинном национализме, который служит не превосходству нации, но ее защите как от внешних, так и от внутренних посягательств. Посмотрим, как эти идеи развиваются в дальнейшем.

Антинационалистические тезисы в работах Г. В. Вернадского

Одним из лидеров евразийства являлся и Г. В. Вернадский, сын создателя учения о ноосфере В. И. Вернадского. Решив синтезировать евразийскую идеологию и биологию, он одним из первых сформулировал принципы влияния биосферы на историческое развитие русского народа. «Не случайна связь народа с государством, которое этот народ образует, и с пространством, которое он себе усваивает, с его месторазвитием» (Вернадский, 2004: 137).

«Исторический процесс стихийен: в основе своей он приводится в движение глубоко заложенными в нем силами, не зависящими от пожеланий и вкусов отдельных людей (да и эти пожелания и вкусы входят в общую экономию исторического процесса). Жизненная энергия, заложенная в каждой народности, стремится к своему наибольшему проявлению. Каждая народность оказывает психическое и физическое давление на окружающую этническую и географическую среду. Создание народом государства и усвоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает» (Вернадский, 2004: 294).

Г. В. Вернадский, рассматривая процесс расселения славян, указывает особенность перемещения русской народности на восток, «против солнца», что, по его мнению, связано с изначально восточным положением славянских поселений на их исконной территории (Вернадский, 2004). Отсюда он заключает, что основным направлением русской колонизации была и должна оставаться восточная сторона света. Важная особенность русской колонизации, отмечает ученый, в том, что осваивается и переделывается под русский народ земля одного континента с громадными жизненными пространствами. Такая неторопливая колонизация дает долговременную перспективу для экстенсивного развития сельского хозяйства и сохранения устойчивости общественных институтов.

Мы можем увидеть, что Г. В. Вернадский, так же как Н. С. Трубецкой, говорит об огромных пространствах материка Евразия. Но здесь он идет значительно дальше Н. С. Трубецкого. Можно отметить, что, в отличие от Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадский прямо отмечает самостийность России, изолированной и от Европы, и от Азии. Но определяющий вектор развития России он, вслед за Н. С. Трубецким, смещает на восток.

Далее мы укажем любопытный тезис евразийства в интерпретации Г. В. Вернадского. На развитие цивилизации влияет географическое пространство, причем не косвенно, но прямо. Г. В. Вернадский вывел закон соотношения исторического времени и пространства: «Социальные явления для данной местности изменяются во времени и, удаляясь в пространство, мы можем догнать эти убегающие круги... 1000 верст на север или восток от социального центра могут иметь для исследователя такое же значение, как 100 лет вглубь времен» (Вернадский, 2004: 55).

Нужно отметить, что Г. В. Вернадский не считает свой закон всеобщим и, напротив, подчеркивает, что данный вывод ограничен. Тем не менее этот закон он ставит краеугольным камнем российского исторического своеобразия. Сработать закон может, по мнению мыслителя, лишь при больших объемах пространства, на котором размещается народ. А евразийский мир, как он указывает, и есть огромное пространство, разделенное на множество климатических зон. И от важности понимания значения громадной территории для истории государства зависит глубина понимания самой истории народа.

Нужно сказать, что, изучая значение колонизации сибирских и дальневосточных земель, Г. В. Вернадский отмечает, что русский народ занял свое место в истории благодаря тому, что оказываемое им давление было способно освоить это место. И этот постулат он выводит и согласует его с законом соотношения исторического времени и пространства. Интересно отметить, что, в отличие от Л. Н. Гумилева, он для обоснования своей теории не приводит множество примеров, но последовательно развивает и рассматривает только русскую историю, подчеркивая, что в других условиях сформулированный им закон мог и не сработать. И, несмотря на схожесть концепции закона Г. В. Вернадского с естественно-научными законами, мы видим, что по сути своей данный закон, даже закономерность, выступает гуманитарным знанием и не обладает присущим естественным наукам универсализмом.

Поделив территорию Евразии на четыре почвенно-климатические зоны: тундру, лес, степь и пустыню, Г. В. Вернадский указывает, что размещение этих зон по параллелям в большей мере обусловило направление движения кочевых племен Евразии, особенно область пустынь. Взаимодействие коренных русских племен, ведущих оседлый образ жизни на территории лесной зоны, с кочевыми племенами степной и пустынной зон позволяет оценить историю России как соотношение леса и степи. Он кратко описывает идею борьбы леса и степи, укладывая ее в промежуток домонгольской истории Руси.

Однако данный тезис уже в контексте работ самого Г. В. Вернадского отличается неоднородностью. Мы согласимся с мнением И. В. Лихоманова и В. А. Бойко в том, что «поскольку в фокусе нарратива оказались взаимоотношения русского мира с миром кочевых народов и государств, весь громадный массив исторического материала, характеризующий внутреннее политическое, социально-экономическое и культурное развитие русского государства, сдвинулся на периферию исторического повествования, а большей частью вообще выпал за его рамки» (Лихоманов и Бойко, 2019: 319). При этом отметим также, что в дальнейшем, после монгольского нашествия, тема борьбы леса и степи уже практически не фигу-

рирует в истории, тогда как концепция месторазвития пытается обнаружить ее практически повсюду.

После нового взгляда на российскую историю Г. В. Вернадский пытается описать историю всей Евразии (Вернадский, 2005). Это даже ближе к собственно идеологии евразийства, так как в центре оказывается уже не народ, а географическая область.

В итоге история огромного континента была расчленена на внутреннее ядро, географически совпадающее с «месторазвитием» евразийцев, и внешнее окружение, примыкающее к ядру. Внутреннее культурно-историческое единство «ядра» Г. В. Вернадский попытался сначала обосновать глубоким различием биохимии крови у народов Евразии и Западной Европы, но главным образом культурным синтезом, приведшим к формированию единого «евразийского самосознания», важнейшим элементом которого он считал «потребность в беспрекословном подчинении высшему принципу — государству, церкви» (Вернадский, 2005).

Стоит отметить, что именно концепция «мира в мире» в контексте евразийства подвергалась и подвергается основной критике. В частности, американский неоконсерватор С. Хантингтон считает Россию «разорванной страной», лидеры которой не могут определиться, «стоит ли ей присоединиться к западной цивилизации или она является стержнем самобытной евразийской православной цивилизации» (Хантингтон, 1995: 55). Даже в контексте нашей работы можно увидеть, насколько различны между собой взгляды анализируемых нами мыслителей, пусть и объединенные под одной идеологией.

Заметим, что концепция Г. В. Вернадского критикуется и за националистическую составляющую. Действительно, как отмечает Е. И. Замараева, важнейшая категория — это общеевразийский национализм (Замараева, 2015). Но трактуется он не как превосходство одного народа в ущерб другим, но как общий наднациональный интерес народов России-Евразии. Здесь мы фактически наблюдаем зеркальное отражение идей Н. С. Трубецкого. Это провозглашает яркий антинационалистический характер евразийской идеологии. И аналогичные трактовки мы можем увидеть в идеях Л. Н. Гумилева, в частности в самом известном его учении об этногенезе.

Антирасистские постулаты теории этногенеза Л. Н. Гумилева

Л. Н. Гумилев определяет этнос как «систему социальных и природных единиц с присущими им элементами. Этнос — не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы» (Гумилев, 1990: 81).

Этносы, по Л. Н. Гумилеву, различаются групповым самосознанием и функционируют в четких рамках ландшафта, за который они предпочитают не выходить (Гумилев, 1990). Кроме того, Гумилев вводит термин «суперэтнос», объединяющий народы на основе духовного родства. Определимся с терминологией, обратившись к тексту труда «Этногенез и биосфера Земли»: «Суперэтносом мы называем группу этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных эко-

номическим, идеологическим и политическим общением, что отнюдь не исключает военных столкновений между ними» (Гумилев, 1990: 255). Чем-то суперэтносы напоминают цивилизацию. Однако в анализ термина «цивилизация» мыслитель не вдается.

Заметим, что теория этногенеза фактически выводит предыдущую теорию Г. В. Вернадского на новый уровень, вовлекая ее на стезю естественно-научной парадигмы. Если Г. В. Вернадский, основываясь на учении своего отца, В. И. Вернадского, вывел закон соотношения географического пространства и исторического времени, то Л. Н. Гумилев и вовсе поставил историю на биологические рельсы.

Если мы углубимся дальше в теорию этногенеза, то можем выявить некоторые аспекты данной теории, фактически сближающие ее с биологизаторством. В главе X монографии «Этногенез и биосфера Земли» Л. Н. Гумилев исследует идею возникновения и исчезновения этносов сквозь призму естественного отбора (Гумилев, 1990). И наконец, Л. Н. Гумилев ссылается на теорию Дж. Б. С. Холдена, отмечая, что «естественный отбор действует на изменения, имеющие приспособительный характер, а эти изменения не идут в любом направлении. Большая часть их ведет к потере сложности строения или к редукции органов — к дегенерации» (Гумилев, 1990: 158). Для этноса важно постоянно поддерживать себя на высоком уровне развития, так как упрощение его структуры приведет к вырождению и падению, заключает мыслитель. Он прослеживает эту закономерность на примерах древних государств, изначально формировавшихся в горниле войн и ценивших преданных патриотов, готовых отдать жизнь за Отечество. Позже идеал сменяется вождями партий, преследующими чаще всего собственнические и корыстные цели, и наконец грань падения этноса отмечается формированием идеала наемного солдата, которому важна лишь его собственная шкура, а не какие-либо высшие устремления. Похожую тенденцию ученый замечает и в животном мире, подчеркивая, что самые сильные и агрессивные не оставляют потомства, а выживают наиболее приспособленные. Одновременно он прямо говорит, что не опирается в своей теории на законы естественного отбора, но, как мы видим, постоянно ссылается на них. Вырождение этносов, по мнению Л. Н. Гумилева, можно сравнить с мел-палеогеновым вымиранием видов и другими крупными исчезновениями множества форм жизни.

Кроме того, здесь можно увидеть и идею естественного неравенства этносов. Л. Н. Гумилев отмечает, что этносы рано или поздно превращаются в реликтовые или персистентные. К таковым Л. Н. Гумилев относил индейцев Америки, полинезийцев, эскимосов, эвенков, айнов, бушменов, австралийских аборигенов и пр. Более того, одну из таких групп, живущих в Бразилии индейцев-крахо, он называет «этносом-паразитом» (Гумилев, 1990: 160). Ученый указывает, что, как и в биологическом мире, существуют паразитарные этносы, живущие за чужой счет. Но при этом он не вдается в причины подобного расслоения.

Нам кажется уместным последовать примеру В. А. Шнирельмана и сравнить теорию Л. Н. Гумилева с «монистическим подходом» немецкого зоолога Э. Геккеля (Шнирельман, 2006). Хотя Л. Н. Гумилев писал об этногенезе, а Геккеля больше увлекала идея всеобщей эволюции, их сближает тенденция к переводу человеческой

истории на естественно-научные рельсы при сознательном пренебрежении, если не игнорировании, гуманитарных концепций. Э. Геккель понимал под человеческим сообществом форму жизни, аналогичную остальным биологическим видам, функционирующую по законам биологии и эволюции. Нечто подобное мы наблюдаем и в проанализированных нами идеях Л. Н. Гумилева. В обеих теориях лейтмотивом проходит борьба за существование в том или ином виде. Однако Л. Н. Гумилев вводит в данную борьбу этносы, указывая на их самосохранение путем этнических особенностей, тогда как Э. Геккель описывает борьбу между нациями, сводя ее к диктатуре чистоты крови. Поэтому Э. Геккель резко выступает против межэтнического скрещивания и расового смешения, провозглашая постулаты евгеники — как сознательной селекции человеческой породы. Напротив, Л. Н. Гумилев определяет метисацию как один из вариантов возникновения этносов. Самое интересное, что, взяв за основу сравнение В. А. Шнирельмана, мы пришли к противоположным выводам, так как он в своем труде «Лев Гумилев: от „пассионарного напряжения“ до „несовместимости культур“» фактически приравнивает две теории (Шнирельман, 2006).

Далее в своем исследовании В. А. Шнирельман предостерегает от слепого следования теории этногенеза, указывая, что критики Л. Н. Гумилева фактически уравнивали данную концепцию с современным фашизмом на корнях евгеники и социалдарвинизма. Действительно, при беглом взгляде на эту теорию идеи неравноценности этносов, четыре варианта возникновения этноса, идея паразитарных этносов несколько напоминают собой евгенические законы и закономерности. Но даже сам Л. Н. Гумилев, вероятно, предвидя подобные нападки, постоянно упоминает на страницах своего труда «Этногенез и биосфера Земли» о том, что расовые и этнические закономерности едва ли не противоположны друг другу и его теория базируется на совершенно иных концепциях. Здесь, по нашему мнению, и заключается проблема толкования теории этногенеза: при кажущейся очевидности ее предмета нет достаточной ясности относительно того, что именно является сферой ее рассмотрения и как именно работают описанные ученым этнические закономерности. Тезисы Л. Н. Гумилева сложно доказать как с биологической, так и с исторической точек зрения, и данная теория превращается в отвергнутое дитя двух наук.

Мы же, однако, постараемся отстоять нашу гипотезу об антиэкстремистском и антинационалистическом характере идей Л. Н. Гумилева, уже апробированную нами в нескольких предыдущих исследованиях (Стародубцева, 2020). Интересна цитата из труда Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли»: «Уходит под ударами национально-освободительного движения колониализм, но остаются и расширяются межэтнические контакты. Следовательно, проблема установления взаимопонимания становится все более насущной как в глобальных масштабах мировой политики, так и в микроскопических, личных, при встречах с людьми симпатичными, но не похожими на нас» (Гумилев, 1990: 182).

По сути, в данном отрывке мыслитель и говорит об этногенезе как о проявлении общего закона развития в процессах возникновения и исчезновения народов. И здесь же поднимается проблема межэтнического взаимодействия, тем более сложная, поскольку, как пишет Л. Н. Гумилев, точного понятия этноса еще не дал

ни один ученый (Гумилев, 1990). А это ярко говорит об антинационалистическом и антирасистском характере теории этногенеза.

Далее Л. Н. Гумилев раскрывает природу межэтнического взаимодействия, и думается, что его размышления косвенно схожи с межкультурным диалогом по Н. С. Трубецкому (Зиновьев, 2008). Это также подчеркивает косвенную принадлежность Л. Н. Гумилева к евразийцам и выделяет антиэкстремистские элементы в теории этносов.

Как принцип существования этносов Л. Н. Гумилев выделяет их несхожесть, в рамки которой укладываются различные этнические стереотипы (Гумилев, 1990). Примеров подобной несхожести можно привести очень много, но все они говорят о стремлении этноса сохранить свою уникальность, а это подчеркивает идею уже цивилизационной безопасности.

Мы можем указать основное отличие теории Л. Н. Гумилева от идей евразийства. Если Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский и остальные мыслители идеологии евразийства подчеркивали ценность каждой культуры именно с позиций истории и культурологии, то Л. Н. Гумилев делает аналогичный анализ с точки зрения концепции естествознания. На примере теории Г. В. Вернадского мы уже увидели слабые места евразийского течения, его внутреннюю разобщенность и нелогичность. В противовес этому теория этногенеза внешне выглядит достаточно логичной. Но если это естественно-научная теория, то возможно ли доказать ее развитие по биологическим законам?

Попытаться доказать концепцию этногенеза подобно теореме на современном уровне развития науки можно лишь применительно к отдельным людям как индивидам.

К прямым доказательствам, как указывает К. В. Маклаков, можно отнести достоверность существования трех основных этапов проявления пассионарности, если рассматривать ее в качестве биологического дефекта (Маклаков, 1996).

Прежде всего пассионарность, судя по всему, можно представить как генетическую наследуемую мутацию. Об этом говорит нам Л. Н. Гумилев, именуя ее «фактором икс» (Гумилев, 1990). Однако на современном уровне развития генетики найти подобный «ген этноса» не представляется возможным. При этом даже не совсем понятно, где его искать: в генотипе человеческих особей, входящих в этнос, или в некоем генотипе самого этноса.

Далее должен проявиться физиологический уровень воплощения наследственного дефекта. Пассионарность может проявиться, например, в действии гормона или группы гормонов, оказывающих влияние на центральную нервную систему. На сегодняшний день психофизиология ничего не может сказать о наличии либо отсутствии подобного гормонального сбоя в организмах индивидов, входящих в этнос.

По сути, помощь в решении данной проблемы могла бы оказать психология, так как третьей и заключительной ступенью проявления дефекта пассионарности у индивида выступает психологический уровень. Если пассионарность представить как некую экзистенциальную потребность, думается, психологи смогли бы ее выявить и сформулировать методику ее выявления (Маклаков, 1996).

А далее необходимо было бы начать количественные измерения, в которых заключается любая наука естественного цикла, раз уж теория этногенеза претендует на подобное звание. Необходимо было бы доказать генетическую обусловленность экзистенциальной потребности в пассионарности, а для этого нужны серьезные исследования среди людей, находящихся и не находящихся в родстве и не обладающих и обладающих искомым признаком, выраженным с разной степенью очевидности. Однако сейчас это невозможно, поскольку нет даже четкого понимания, что именно мы должны будем обнаружить.

Завершающим этапом исследования могла бы стать работа на базе больших репрезентативных выборок, включающих представителей народов, находящихся предположительно в разных фазах этногенеза. Однако в этом случае необходимо располагать отлаженным и достоверным психологическим тестом с высокой степенью валидности, а его тоже пока не создано.

В итоге, проанализировав теорию этногенеза, мы можем увидеть попытку применения к «поведенческой эволюции» человечества обычной эволюции биологической. История человечества предстает перед нами как цепь непрерывных неудачных попыток ароморфоза, т.е. эволюционного скачка. И если в свое время такой ароморфоз удался, например, растениям с появлением спорных видов и революционного способа размножения или животным, развившим осевой скелет, превратившийся в позвоночник, то человечеству пока не удался полный переход от биологической эволюции к чисто социальной.

Обобщение результатов и заключение

Итак, мы рассмотрели основные идеи евразийского течения на примере работ мыслителей-евразийцев Н. С. Трубецкого и Г. В. Вернадского и проследили сходство и различия теории евразийства с теорией этногенеза Л. Н. Гумилева. Можно сказать, что все рассмотренные нами идеи носят ярко выраженный антинационалистический характер. На сегодняшний день данные идеи вполне могут быть применены с поправками на современный этап развития общества. Сложности в применении возникают при попытке толкования либо доказательства указанных идейно-политических течений.

В дальнейшем автор планирует продолжение своего исследования в виде сравнительного анализа евразийства и атлантизма и поиска общего антиэкстремистского контекста двух идеологий. Указанные тезисы будут апробированы на конференциях и форумах различного уровня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград, 1990.
- Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Айрис-пресс, 2004.
- Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии: звенья русской культуры. М., 2005.
- Замараева Е. И. Развитие идей евразийства в дискурсе культурной политики России

в постсоветский период. Вестник Челябинского государственного университета, 2015, No. 19 (374), 126–131.

Зиновьев И. В. Теория межкультурного диалога Н.С. Трубецкого и неоевразийство. Аналитика культурологии, 2008, No. 2 (11), 36–42.

Кара-Мурза А. А. Кризис идентичности в современной России: возможности преодоления. М., 1998.

Лихоманов И. В, Бойко В. А. Евразийство и концепция русской истории Г.В. Вернадского. Идеи и идеалы, 2019, 11 (3–2), 317–336.

Маклаков К. В. Теория этногенеза с точки зрения биолога. Урал, 1996, No. 10, 164–178.

Милюков П. Н. Русский расизм. М.: Памятники исторической мысли, 1997.

Соболев А. В. Письмо Н. С. Трубецкого П. Н. Савицкому от 20.05.1933 г. СПб.: Мирь. 2008.

Стародубцева М. А. Антиэкстремистские идеи в евразийских работах Н.С. Трубецкого и их отражение в исследованиях Л. Н. Гумилева. Философия и культура, 2020, No. 7, 41–52.

Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме. М.: Аграф, 1999.

Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920.

Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Балкан, 1921.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 1995.

Шевченко Н. Н. Основные идеи культуры Н.С. Трубецкого в контексте философии евразийства. Историческая и социально-образовательная мысль, 2014, No. 3, 297–302.

Шнирельман В. А. Лев Гумилёв: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур». Этнографическое обозрение, 2006, No. 3, 8–21.

REFERENCES

Gumilev, L. N. (1990). *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]. Leningradeoizdat.

Vernadskij, G. V. (2004). *Nachertanie russkoj istorii* [The outline of Russian history]. Moscow, Russia: Iris press.

Vernadskij, G. V. (2005). *Opyt istorii Evrazii: zven'ya russkoj kul'tury* [Experience of the history of Eurasia: links of Russian culture]. Moscow.

Zamaraeva, E. I. (2015). Razvitie idej evrazijstva v diskurse kul'turnoj politiki Rossii v postsovetskij period [Development of the ideas of Eurasianism in the discourse of Russia's cultural policy in the post-Soviet period]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no 19 (374), 126–131.

Zinoviev, I. V. (2008). Teoriya mezhkul'turnogo dialoga N.S. Trubeckogo i neoevrazijstvo [N. Trubetskoy's theory of intercultural dialogue and neo-Eurasianism]. *Analytics of cultural studies*, no 2 (11), 36–42.

- Kara-Murza, A. A. (1998). *Krizis identichnosti v sovremennoj Rossii: vozmozhnosti preodoleniya* [Identity Crisis in Modern Russia: Opportunities to Overcome]. Moscow.
- Lihomanov, I. V., Bojko, V. A. (2019). Evraziystvo i koncepciya russkoj istorii G.V. Vernadskogo [Eurasianism and the concept of Russian history by G.V. Vernadsky]. *Ideas and Ideals*, 11 (3–2), 317–336.
- Maklakov, K. V. (1996). Teoriya etnogeneza s tochki zreniya biologa [The theory of ethnogenesis from the point of view of a biologist]. *Ural*, no 10, 164–178.
- Milyukov, P. N. (1997). *Russkij rasizm* [Russian racism]. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
- Sobolev, A. V. (2008). *Pis'mo N.S. Trubeckogo P.N. Savickomu ot 20.05.1933 g.* [Letter to N. S. Trubetskoy P. N. Savitsky from 20.05.1933]. St. Petersburg: Mir.
- Starodubceva, M. A. (2020). Antiekstremistskie idei v evrazijskih rabotah N. S. Trubeckogo i ih otrazhenie v issledovaniyah L. N. Gumileva [Anti-extremist ideas in the Eurasian works of N. S. Trubetskoy and their reflection in the research of L. N. Gumilyov]. *Philosophy and Culture*, no 7, 41–52.
- Trubeckoj, N. S. (1999). *Ob istinnom i lozhnom nacionalizme* [About true and false nationalism]. M.: Agraf.
- Trubeckoj, N. S. (1920). *Evropa i chelovechestvo* [Europe and humanity]. Sofia: Russian-Bulgarian publishing house.
- Trubeckoj, N. S. (1921). *Verhi i nizy russkoj kul'tury. Ishod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziycev* [The upper and lower classes of Russian culture. Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. Approval of the Eurasians]. Sofia: Balkan.
- Huntington, S. (1995). *Stolknovenie civilizacij* [Clash of civilizations]. M.: ACT.
- Shevchenko, N. N. (2014). Osnovnye idei kul'tury N.S. Trubeckogo v kontekste filosofii evraziystva [The main ideas of the culture of N. S. Trubetskoy in the context of the philosophy of Eurasianism]. *Historical and socio-educational thought*, no 3, 297–302
- Shnirelman, V. A. (2006). Lev Gumilyov: ot «passionarnogo napryazheniya» do «nesovmestimosti kul'tur» [Lev Gumilyov: from “passionary tension” to “incompatibility of cultures”]. *Ethnographic Review*, no 3, 8–21.